

— Шура, а почему ты такой старый и противный!

— Ну это второстепенный вопрос. Давай о чем-нибудь высоком! Например, чем тебе дорого искусство?

— Тем, что оно бесплатное. Меня же на просмотры приглашают.

— Какое светлое простодушие! Спасибо за искренность, друг! Тогда я тебе тоже искренне отвечаю на твой вопрос. Я старый и противный потому, что твой сверстник. И к моему неутешному несчастью — мы еще и похожи.

— Шура, у вас мания величия!

— Да, я таков!

— У тебя, видимо, с искусством более сложные отношения, чем у меня!

— Вам, зрителям, никогда этого не понять. Ты не представляешь, как у нас, деятелей искусства, все сложно. Непрерывная борьба мнений, столкновение совершенно разных интересов. Например, у нас с Эликом Рязановым было как-то полное несовпадение. А казалось бы, такой близкий по убеждениям человек.

Понимаешь, он отсидел срок в Институте питания. Вообще, забавное название — Институт питания. А все питание в том, что жрать не дают. Можно подумать, что все мы сейчас не в институте этого питания.

Так вот, вернулся он на свободу и немедленно позвал меня в гости. Ну, конечно, о творчестве поговорить. О судьбах и путях искусства. А регламент встречи был такой. Мне он дал бутылку коньяка, а себе подгрел целый стог зелени, ему другого было нельзя. Причем мне не дает ни травинки (самому мало, он есть хочет). А в доме больше ничего нет, даже хотя бы конфеточки. В результате я напился, как лошадь, а он наелся, как корова.

Ты понял, как трудно, когда в искусстве не совпадают интересы?

— Не понял! Ты ведь коньяк не пьешь!

— Вот видишь, сколько обо мне ходит порочащих слухов. Я только кофе не пью и сырую воду.

— Ты как-то без симпатии меня «зрителем» обозвал. Что, надоело мы тебе!

— В детстве я жил на даче у друга моих родителей — наглухо засекреченного академика-атомщика. А у него было два телохранителя. Они за ним ходили, как тени. У академика в сортире симпозиум, а они стоят перед дверью, как атланты. Академик бабу в кусты потащил, а они круговую оборону занимают.

— Ну ты все-таки не академик.

— Но в сортир-то тоже хожу.

— Какой вы, Шура, гранд-кокет! Но я-то знаю, что тебе нравится популярность.

— От тебя ничего не скроешь!

Ты знаешь, слово популярность — дурацкое слово. Точнее говорить просто о человеческих взаимоотношениях.

Конечно, невыносимо, когда совершенно незнакомый человек прямо на улице хлопает тебя по плечу и говорит: «Здорово, Державин, привет Ширвиндту!». Это, правда, не так уж часто бывает.

Но, поверь мне, главная реакция на меня — улыбка. Не тупой восторг, не нелепое обо-

жание, а — улыбка. Добрая и какая-то свойская. Вот это моя суммарная радость за 30 лет, извини, в искусстве. Все, что я за эти годы «натворил», накопило в людях улыбку. Я в этом вижу очень дорогой мне результат моей профессиональной жизни.

Причем я очень дорожу своей репутацией в провинции. Там, знаешь, и улыбка эта как-то поделкатней.

— Уж не распространяется ли на тебя эта благосклонность и со стороны коллег по искусству!

— Твоя милая ненависть к нам, актерам, похвальна. Но кое в чем это строгое чувство можно и разделить.

Нет, меня-то, конечно, все

лю. Юморок бывает пониже спины.

— Ах, суровый критик мой! А ты что, предлагаешь мне уходить за кулисы под стук собственных каблучков?

Так уж получилось в жизни, что я выхожу на сцену, чтобы в зале смеялись. И вот я на сцене 20 секунд — никто не смеется. 40 секунд — в зале тишина. А как ты знаешь, минута на сцене — это уже целая вечность. Врагу не пожелаю такого положения. И тогда я включаю «дополнительные средства», к которым вовсе не хотел бы прибегнуть. И ухожу со сцены под бурные аплодисменты.

— Шура, не сердись на меня, но не надо бы так.

— Да! А на сцену выходит профессионал. И пичкать зрителя своими семейными хохмами — профессионала недостойно. Где бы Райкин ни выступал, даже на актерском «междусобойчике», он не опускался до сиюминутных хохм, он «строго» исполнял свои монологи. Как для всех! Он не подлаживался под зрителя, для него не было «разного» зрителя. Он для всех был только Райкин.

— Суровый урок ты получил.

— Ну мне не только в этом далеко до Райкина. И не только мне.

Нельзя идти на поводу у зрителя, нельзя к нему подлаживаться под собственный же

слышал благодарные похвалы в твой адрес как режиссера от артистов эстрады.

А вот в Театре сатиры об этом ни с кем не говорил. Просто видел поставленные тобой спектакли.

Как эта сторона твоей жизни развивается в театре!

— В театре нельзя быть режиссером при серьезном мэтре. Так или иначе, есть хозяин. Иначе и быть не может. Когда-то Марк Захаров был режиссером «при Плучеке». Поставил несколько блистательных спектаклей и ушел на собственное хозяйство. Причем по чисто творческим причинам.

Дело не только в том, что нет пророка в своем отечестве. Просто не бывает двух пророков на одной жилплощади. При мэтре могут быть только помощники, подмастерья и, в буквальном смысле слова, рядовые режиссеры. Такова физиология театра. Каким бы заботливым и предупредительным ни был мэтр, все равно театр не позволяет иной архитектоники.

Знаешь, как выглядит ялан в нашем театре: это ставит Плучек, это — режиссер из Швейцарии и кто, что делает Шура».

— Но ведь «режиссер из Швейцарии» приезжает ставить чуть ли не «Гамлет». А твое последнее достижение — вернисаж Спартака Мишулина. Правда, прелестный. И режиссерский прием прекрасный. Конечно, и сам Спартак «оборозды не испортит».

— Ты знаешь, ты мне уже немножко надоел. Ты от меня требуешь, чего у меня нет.

Грянула гласность! И мы все решили, что вот тут-то и Розов, и Гельман, и Рошин вынут из потаенных ящиков свои гениальные пьесы и начнется пиршество театрального искусства. А они — не вынули! То есть, кроме Булгакова и Платонова, нам никто не помог. Нам нечего ставить! Да еще при специфике нашего театра. Название «Театр сатиры» — это какая-то мистика.

— То ли иллюзия, то ли иллюзия!

— Не говори сложно! Я и так не понимаю, за что ты меня мучаешь!

— А как насчет нынешнего кино!

— Ну это совсем аттракцион! При чем вторичный. Причем вторичный по отношению к седьмому сорту американского кино. Перелопачивание каких-то запасников Голливуда.

Если появляются хорошие картины, то им нет проката. А иную хорошую картину даже доснять невозможно. Дело-то приходится иметь с какими-то мифическими студиями, какими-то мифическими объединениями. А они вдруг, видите ли, передумали, у них денег больше нет. Ну расхотелось им деньги давать. И все! А «полфильма» можно только во ВГИКе показывать, студентам.

— Да, нервный ты стал... А как ты реагируешь, когда тебя толкают в троллейбусе? Или, например, в Министерстве культуры!

— Я ни там, ни там не бываю. Сажусь в свою машину и еду в Министерство культуры... Подъезжаю к министерству... И еду дальше, на ипподром. Как говорится, а лошади лучше!

Беседу вел

Эдуард ГРАФОВ.

КАК ТАМ, У АЛЕКСАНДРА ШИРВИНДТА?

● Александр ШИРВИНДТ.

● Эдуард ГРАФОВ.

А ЛОШАДИ

обожают! А вот с Андрюшей Мироновым был любопытный случай.

Андрей боготворил одного действительно прекрасного артиста, старшего товарища по искусству. И как-то он к неммыслимой своей радости завлек его в гости. А артист этот уже давно залез с ногами на Олимп и оттуда устало на всех поглядывал.

Ну Андрей, млея от счастья и уважения, порхает по квартире, ликует за столом. И весь влюблен! А «патриарх» устало пригубливает коньяк и из-под полуопущенных век величественно улыбается собравшимся.

Наступает кульминация: — Да, милый Андрюша, я помню, как мы с вами снимались вместе в фильме. У вас там была очаровательная маленькая роль. Ах, давно это было! — Облокотился талантливой щекой на изнеженные пальцы и рассеянно спросил: — Андрей, а как сложилась ваша дальнейшая судьба?

Это у Миронова-то! Андрюша не смог ничего с собой поделаться, убежал в слезах на кухню и решил там повеситься на галстук. А тоже ничего не смог с собой поделаться и стал хохотать, как полоумный.

У актеров бывают интересные взаимоотношения.

— Ладно, вернемся к зрителям. Если говорить об эстраде, то ты частенько попраляешь неприхотливому зрите-

Кульшур. - 1992. - 30 см. - С. 12.

ЛУЧШЕ!

— У тебя был очень почтенный соумышленник.

Много лет назад, во времена знаменитейших капустников, мы выступали во Дворце искусств в Ленинграде. Не поверишь, перед входом в помещение стояли две лошади, а на них милиционеры. Больше никогда в моей жизни конная милиция наши с Мишей концерты не сопровождала. Мы имели неслыханный успех. Мы сыпали со сцены какие-то актерские анекдоты, какие-то истории из внутритеатральной жизни.

— Фурор, фураж и прочие пряности!

— Ты угадал... Но после капустника подходит такой вот критик вроде тебя, правда, в отличие от тебя, Аркадий Исаакович Райкин. И говорит: «Все очень смешно. Но так нельзя, этого делать не надо».

Я тебе объясню, что он имел в виду, чего я тогда не понял. Вернее, не захотел понять. Рассказать дома за столом анекдот — не является элементом профессионализма. Это мильный, но без профессиональности дилетантизм.

— Домашние шутники!

имидж. Это я не тебе, это я себе говорю. Ты знаешь, какая это лихая штука — имидж, как прилипает «маска» к лицу. Ох, как трудно было даже таким выдающимся мастерам, как Евгений Леонов, Юрий Никулин, Андрей Миронов, отучить зрителя от привычной ему «маски». Ты вспомни их фильмы «Когда деревья были большими», «Старший сын», «Мой друг Иван Лапшин». Зритель-то купил билет, пришел на «маску», посмеяться зашел в кино. А там что-то совсем другое.

И наша с Мишей «маска» очень прилипчива. Конечно, мы стараемся не быть, как ты сказал, «домашними шутниками». Но всегда ли это удается? Евгению Леонову, извини, «легче», он, я не самоуничижаюсь, феноменальный артист.

А, может, мы с Мишей слишком часто выступаем? Но ведь слишком редко тоже не хочется. Знаешь, это до сих пор огромная радость — выйти на сцену.

— Я, признаться, не очень приветствую, когда актер поддается в режиссеры. Но с тобой несколько иной случай. Я